

Шестая дверь библиотеки

и
Елена Огневая

Елена Огневая

Шестая дверь библиотеки

«Автор»

2026

Огневая Е.

Шестая дверь библиотеки / Е. Огневая — «Автор», 2026

Что, если самый страшный прогноз о вашей жизни уже напечатан? Лея Воронова находит Академию будущих книг — библиотеку, где выдают рукописи из ещё не написанного будущего. Но страницы показывают лишь вероятность. Приняв тревожный сценарий за приговор, можно самому приблизить его. В академии Лея встретит архив несостоявшихся решений и узнает, как страх влияет на выбор. Чтобы открыть шестую дверь, ей предстоит отличать факты от догадок, проверять прогнозы, замечать свои привычки и решаться на следующий шаг без гарантии идеального исхода. «Шестая дверь библиотеки» — академическое фэнтези о свободе выбора, сожалениях и ответственности. Для тех, кто боится ошибиться или застрял в «а что, если». История напоминает: прошлое не переписать, но будущее не предрешиено — на его вероятность влияют наши поступки. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Огневая Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Приёмный экзамен в Академию будущих книг	6
Пять дверей по уставу	12
Рукопись, которой ещё не было	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Елена Огневая

Шестая дверь библиотеки

Шестая дверь библиотеки

Елена Огневая

Приёмный экзамен в Академию будущих книг

В половине шестого утра на месте пустыря выросло здание.

Лея Воронова заметила его не сразу. Сначала она услышала звон — тихий, будто ложечка коснулась края чашки. Потом увидела в утреннем тумане высокие окна, которых ещё вчера не было между булочной и трамвайной остановкой. На карманной карте города здесь значилась глухая стена склада. Теперь над каменным входом горели золотые буквы:

АКАДЕМИЯ БУДУЩИХ КНИГ

Лея остановилась так резко, что мужчина за ней налетел на её рюкзак.

— Простите, — сказала она.

— Ничего. В первый раз всегда так, — ответил он, не уточнив, что именно.

Лея достала телефон. Карта упрямо показывала склад. Она приблизила изображение, обновила, выключила и снова включила сеть. Склад оставался на месте. Здание перед ней тоже.

Телефон предложил альтернативный маршрут до Академии будущих книг: три минуты пешком.

— Очень предусмотрительно, — пробормотала Лея. — Особенно если учесть, что её не существует.

Она убрала телефон, но у входа не двинулась. В рюкзаке лежало письмо о зачислении на вступительный экзамен. Лея читала его уже двадцать семь раз. В каждом перечитывании искала строчку, которая обещала бы, что она не ошиблась адресом, не опоздает и не окажется человеком, которому двери показываются только из вежливости.

Письмо ничего не гарантировало.

Это было его главным недостатком.

Лея привыкла откладывать выбор, пока не появится достаточно сведений. Она сравнивала варианты, выписывала плюсы и минусы, спрашивала знакомых, потом спрашивала тех же знакомых, не изменилось ли их мнение. Если решение касалось будущего, она ждала знака. Если знак появлялся, проверяла, не совпадение ли это. Однажды она потратила три месяца, выбирая между курсами иллюстрации и реставрации, а записалась в библиотечный клуб, потому что там не требовалось выбирать специальность.

Теперь впереди стоял экзамен в Академию, где книги выдавали из ещё не написанного будущего.

Лея вдохнула запах мокрого камня и старой бумаги и переступила порог.

Внутри здание оказалось гораздо больше, чем снаружи. За входной дверью открывался круглый зал с колоннами, уходившими в полумрак. По стенам поднимались галереи, соединённые мостиками. Лестницы расходились в разные стороны, как ветви дерева, а между ними тянулись стеллажи. Лея не увидела ни одного библиотекаря, но слышала шелест страниц — то здесь, то там, словно кто-то перелистывал книги в соседних комнатах.

В центре зала стоял длинный стол. За ним сидел худой мужчина в тёмном жилете. Серебряные очки сползли на кончик его носа, а на лацкане блестела булавка в виде ключа.

— Лея Воронова, — прочитал он с листа. — Вы пришли.

— Кажется, да.

— Хорошее начало.

— Я просто ещё не нашла причины сомневаться.

Мужчина поднял на неё глаза.

— Архивариус Ориан, — представился он. — Экзамен начинается через пять минут. Положите сумку сюда, а сомнения оставьте при себе. В сумку они не поместятся.

За столом уже сидели шестеро кандидатов. Одни нервно шептались, другие разглядывали стены. Молодой человек с гладко зачёсанными волосами и безупречно застёгнутым воротни-

ком наблюдал за всеми так, словно уже составлял список тех, кого обойдёт. Он поймал взгляд Леи и улыбнулся.

— Клим Ратников, — сказал он. — Первый экзамен?

— Я надеялась, это не так заметно.

— Заметно только тем, кто тоже пришёл впервые.

Улыбка у него была приятная, а слова — не очень. Лея села подальше.

Ориан провёл ладонью над столом. На его поверхности возникли семь книг. Они не упали сверху и не появились в облаке дыма. Просто в один миг стол был пуст, а в следующий на нём лежали книги с тонкими обложками разных цветов.

— Каждому кандидату достанется книга, — сказал архивариус. — В ней описаны события ближайших суток. Не события вообще, а те, что могут коснуться именно вас. На чтение и работу у вас один час.

— Что значит «могут»? — спросил Клим.

— Это слово означает то же самое, что и обычно.

— А книга сообщает точное будущее?

— Она сообщает написанное.

Клим коротко усмехнулся. Ориан не обратил на это внимания.

— Когда прозвонит колокол, вы вернёте книги и приложите записку. В ней укажите, что вы увидели, что решили и чего не знаете. Правила оценки я не объясняю.

— Совсем? — спросила Лея.

— Не совсем. Я сказал, что не объясняю.

Он раздал книги.

Леиной досталась синяя, с шершавой обложкой и её именем, вытисненным серебряной краской. Она открыла первую страницу. Бумага была тёплой, как будто книгу только что держали у камина.

Там описывалось утро, которого ещё не было: автобус, пропущенный звонок, чашка, разбитая в комнате с зелёными шторами. Потом Лея, стоящая у северной лестницы Академии. Текст был написан настоящим временем, но в нём встречались фразы «если она продолжит» и «при таком освещении». Несколько строк читались как факты, несколько — как догадки, а несколько можно было истолковать по-разному.

Лея нахмурилась. Описание будущего было похоже на расписание поезда, составленное человеком, который не очень уверен в железной дороге.

Она перевернула страницу.

7:14. Лея Воронова уронит книгу на северной лестнице. Книга раскроется на странице восемнадцать. Дания Серов потянется за ней. Его правая нога соскользнёт с третьей ступени. Он упадёт. В 7:16 позовут лекаря.

Лея резко посмотрела на часы в зале. Большой циферблат показывал 7:13.

До предсказанного падения оставалась минута.

— Что там? — спросил Клим, заглянув через плечо.

Она захлопнула книгу.

— Моё будущее.

— Хорошее?

— Не уверена, что оно умеет отвечать на вопросы.

Клим рассмеялся, но взгляд его стал внимательнее.

Лея подняла голову и увидела Данию Серова у лестницы. Он держал раскрытую книгу и читал, не замечая, что вокруг уже начали двигаться кандидаты. На вид ему было лет восемнадцать. Он был худым, веснушчатым и напряжённо сжимал губы.

Клим подошёл к нему.

— Ты тоже получил подробный сюжет?

— Ага.

— И что, герой в конце побеждает?

Даня не ответил. Клим, не спрашивая разрешения, скользнул глазами по странице.

— Вот это да. Третья ступень, правая нога, лекарь. Всё расписано. — Он поднял брови.

— Если уж тебе выдали такой точный прогноз, надо проверить, насколько он точный.

Даня побледнел.

— Не обязательно проверять, — сказала Лея.

— А что обязательно? — спросил Клим. — Поверить книге? Или испугаться заранее?

Лея посмотрела на лестницу. Третья ступень темнела влажным пятном. Чуть выше перила обрывались: металлическое крепление выломано, на стене виднелся свежий след. Это были не предсказания. Это она могла увидеть и потрогать.

Она поднялась на одну ступень, коснулась камня пальцем. Влага оставила на коже холодный блеск. Над лестницей проходила медная труба; возле стыка выступала капля.

— Здесь мокро, — сказала она. — И перила сломаны.

Клим пожал плечами.

— Значит, книга верно учла обстановку.

— Она описала возможный исход, — сказала Лея. — Не приказ.

Даня смотрел на свою страницу.

— Там написано, что я упаду.

— Там написано, что ты упадёшь, если всё пойдёт так, как сейчас. Но ступень мокрая. Перила не работают. Это факты. А падение — пока ещё нет.

Клим прислонился к колонне.

— Удобно. Если ничего не случится, ты скажешь, что сама изменила будущее. Если случится, скажешь, что книга предсказала.

Лея почувствовала, как внутри привычно поднимается желание отступить. Не отвечать. Подождать, пока Клим докажет свою правоту или Даня сам решит, что делать. Тогда, если всё пойдёт плохо, можно будет подумать, что она ничего не могла изменить.

Так она поступала часто. Называла это осторожностью.

Большой циферблат щёлкнул.

7:14.

— Даня, не поднимайся, — сказала Лея. — Подожди здесь. Я позову смотрителя и найду сухую тряпку.

— Если я остановлюсь, книга всё равно будет права, — ответил он. — Там всё равно написано про падение.

— Книга не сдаёт экзамен вместо тебя.

— А если я испорчу результат?

— Тогда результат будет испорчен твоим решением, а не чужой строкой.

Клим оттолкнулся от колонны и шагнул к лестнице.

— Серов, не позволяй ей сделать из тебя труса. Если предсказание неизбежно, чего бояться?

Он говорил мягко, даже дружелюбно. Но смотрел не на Даню, а на часы. На лице у него было нетерпение человека, который ждёт занятого опыта.

— Ты не проверяешь книгу, — сказала Лея. — Ты подталкиваешь его подтвердить то, что в ней написано.

— Я не подталкиваю. Он сам выбирает.

— Тогда оставь ему возможность выбирать без твоих подсказок.

Даня поднял глаза. Он перевёл взгляд с Климовой уверенной улыбки на мокрую ступень, потом на Леино лицо.

Лея всё ещё держала книгу обеими руками. Можно было отойти, не вмешиваться, сохранить её целой и потом написать в отчёте, что предсказание сбылось. Это был бы чистый результат. Удобный. Такой, к которому не пришлось бы прикасаться.

— Третья ступень скользкая, — сказала она Дане. — Не наступай на неё. Я пойду за помощью.

Она развернулась к коридору, но услышала короткий вскрик. Даня всё-таки сделал шаг назад, стараясь уступить дорогу Климу. Его пятка задела влажный край ступени. Правая нога поехала в сторону.

Лея бросила свою книгу и схватила Даню за рукав.

Он качнулся, ударился плечом о стену, но не упал. Лея удержала его, упираясь ладонью в перила выше сломанного крепления. Её синяя книга ударилась о камень и раскрылась на странице восемнадцать.

На лестнице воцарилась тишина.

Даня тяжело дышал. На его лице медленно проступило облегчение.

— Ты цел? — спросила Лея.

— Кажется.

Клим смотрел на раскрытую книгу. Лея подняла её. Строки дрогнули, будто от горячего воздуха. В конце страницы слова «он упадёт» расплылись и исчезли. На их месте проступило: **«Он остановился. Лея удержала его за рукав. К лекарю не пришлось обращаться».**

Даня раскрыл свою книгу. Лея увидела, как и там меняется текст. Прежние строчки уходили одна за другой, а вместо них появлялись новые. Даня медленно выдохнул.

— Она изменилась.

— Значит, будущее ещё не закончилось, — сказала Лея.

— Или книга не любит, когда ей противоречат, — заметил Клим.

— Тогда ей придётся привыкнуть, — ответила Лея.

В этот миг в дальнем конце зала прозвенел колокол. Один раз. Кандидаты поспешили к столу. Лея осталась на ступеньках, чтобы помочь Дане сесть на нижнюю площадку. Он морщился от ушиба, но мог двигать рукой.

Когда они вернулись, остальные уже сдавали записки. Лея видела их листы: ровные строки, короткие заключения, аккуратные подписи. Её собственная книга всё ещё была раскрыта на восемнадцатой странице, а чистый лист для ответа лежал в рюкзаке.

Она села за свободный край стола и написала быстро, не перечитывая каждое слово.

Увидела: мокрую ступень, сломанное крепление, время в книге.

Предположила: что Даня может упасть, если шагнёт на третью ступень или потянется за книгой.

Не знаю: упал бы он, если бы я не вмешалась.

Решила: предупредить его и удержать, когда он поскользнулся. Я не знаю, спасла ли его от будущего. Я знаю, что он уже терял равновесие.

Ориан прочитал записку. Потом посмотрел на неё поверх серебряных очков.

— Почему вы вмешались?

Лея на мгновение задумалась. Можно было ответить, что заметила опасность. Это было правдой, но не всей. Можно было сказать, что не хотела, чтобы Даня пострадал. Тоже правда. Но под этими ответами лежало что-то более неприятное и важное.

— Я хотела дожидаться уверенности, — сказала она. — Понять, что точно случится. А потом увидела, что ожидание тоже влияет на то, что случится.

— Вы могли ошибиться.

— Да.

— И всё равно вмешались.

— Я могла ошибиться и в том, что будет, если ничего не делать. Но тогда я бы называла бездействие нейтральным выбором, хотя оно таким не было.

Ориан закрыл её книгу.

— Хорошо.

Лея ждала продолжения. Объяснения шкалы баллов. Возможно, вопроса с подвохом. Архивариус вместо этого достал из ящика небольшой медный жетон.

— Что означает «хорошо»? — спросила она.

— Что вы поступили хорошо.

— А экзамен?

— Вы сдали.

Лея моргнула.

— За правильный прогноз?

— Вы не угадали, что случится. Вы увидели, что уже происходит. Это разные способности.

— Но ведь книга предсказала, что я уроню её.

— Вы её уронили.

— А Даня не упал.

— Вы заметили разницу?

В уголках его глаз собрались мелкие морщины.

— В Академию принимают не за безошибочное предсказание. Книги умеют предсказывать лучше нас. Нам важно, что человек делает, когда узнаёт о вероятном будущем и всё ещё может выбрать поступок.

Он протянул ей жетон. На одной стороне был выгравирован ключ, на другой — её имя.

Лея сжала его в ладони. Металл был прохладным, но вскоре начал согреваться.

— А остальные?

— Их решения принадлежат им.

Клим стоял у окна и тщательно складывал свою записку. На этот раз он не улыбался. Даня прикладывал к ушибленному плечу чистую салфетку, которую принёс из бокового коридора неизвестно откуда. Он поднял на Лею глаза и кивнул.

В этом кивке было больше благодарности, чем уверенности. Лея понимала: она не могла доказать, что предотвратила травму. У неё не было доступа к будущему, которое не случилось. Но она знала, что сделала то, что могла, с теми сведениями, которые у неё были.

Ориан достал из-под стола план Академии.

— Это для новых учеников. Завтра вы начнёте знакомство с библиотекой. По уставу здесь пять дверей. Пока запомните только это.

— А если я найду шестую? — спросила Лея.

— Тогда сначала убедитесь, что она существует.

Он протянул ей план. На схеме были обозначены пять дверей: в зал чтения, архив, переплётную, тихую комнату и выход. Лея провела пальцем по линиям коридоров. За дальним рядом стеллажей оставалось пустое место, хотя в зале она помнила там стену.

— Здесь не нарисована одна часть здания, — сказала она.

— План составлен по уставу.

Ориан уже отвернулся, чтобы принять следующую записку.

Лея подняла взгляд. Между стеллажами, где, по её памяти, должна была быть глухая стена, проступила узкая вертикальная тень. словно в камне скрывался дверной проём. В его середине блеснул крошечный латунный кружок.

Она снова посмотрела на план.

На схеме там не было ничего.

Лея хотела позвать Ориана, но остановилась. Сначала стоило выяснить, что она действительно видит, а что лишь предполагает. Тень не исчезла. За ней тихо перевернули страницу.

Пять дверей по уставу

За стеной тихо перелистнули страницу.

Лея не позвала Ориана. Она записала на полях плана: «Факт: между стеллажами видна вертикальная тень. Предположение: возможно, дверной проём. Вопрос: почему его нет на схеме?» Потом убрала карандаш. Если тень исчезнет, запись останется. Если нет — тоже.

Ориан поднял голову от записок.

— Первокурсники, сюда. Экскурсия начинается сейчас.

К его столу уже стекались ученики. Кто-то нервно приглаживал рукава форменной куртки, кто-то вертел в пальцах ключ на синей ленте. Рядом с Орианом стояла высокая женщина с серебряной прядью в тёмных волосах. На её поясе висели пять ключей, каждый на отдельном кольце.

— Наставница Вейра, — представил её Ориан. — Она отвечает за вводный маршрут.

— И за то, чтобы никто не потерялся в первый день, — добавила Вейра. Голос у неё был ровный, но глаза улыбались. — Обычно.

Ученики засмеялись. Лея сложила план вчетверо и пошла за группой.

У двери в зал чтения она догнала Тима — того самого первокурсника, который ещё у стойки успел уточнить расписание, правила выдачи и то, полагалась ли новая форма к дождю. На груди у него блестела аккуратная эмблема Академии.

— Ты уже знаешь, куда хочешь попасть? — спросила Лея.

— В зал чтения. Там положено начинать.

— Я хочу найти книгу о собственной судьбе.

Тим посмотрел на неё так, словно она сказала, что собирается переписать расписание луны.

— Такие запросы не принимают.

— Почему?

— Потому что не принимают, — отрезал он и сразу смягчился. — Так в уставе.

Вейра услышала их.

— Хорошо, Тим. Ты запомнил формулировку. Теперь посмотрим, запомнишь ли смысл.

Она открыла первую дверь.

Из зала чтения пахло тёплым деревом, чернилами и чуть подгоревшим сахаром. За высокими окнами серебрилась утренняя дымка. Между столами двигались узкие лестницы, будто кто-то невидимый переставлял их к нужным полкам. На корешках книг проступали названия, исчезали и возникали снова.

Одна книга раскрылась сама. На странице дрогнули строки: «Что изменится, если ты останешься после занятий?» Следом возникла другая: «Что изменится, если ты уйдёшь, когда обещал помочь?»

— Первый отдел хранит вероятные личные пути, — объяснила Вейра. — Не предсказания. Вопросы, поставленные иначе, дают разные книги. Здесь можно исследовать последствия конкретного поступка. Нельзя просить назвать единственное будущее человека.

Лея посмотрела на пустое место у ближайшего стола.

— А если я попрошу книгу о себе?

— Библиотека не знает вас лучше, чем вы сами. Она знает, какие продолжения могут возникнуть из ваших привычек, обстоятельств и решений. Если прочесть одно из них как приказ, можно начать ему подчиняться. Или, что не лучше, изо всех сил от него бежать.

Вейра сказала это без нажима, но Лея ощутила, как слова легли точно в то место, которое она старалась не трогать. Прогноз мог напугать. Мог показаться обещанием. А мог всего лишь описать одну из дорог, которая начиналась с её сегодняшнего шага.

Она достала план и нарисовала под заголовком «Карта ограничений» четыре колонки: дверь, запрет, цель, вопрос.

Для зала чтения записала: «Нельзя запрашивать единственную судьбу. Вероятная цель: не превращать возможность в приговор». Потом добавила: «Можно ли задавать вопрос не о себе, а о поступке?»

— Вот это уже правильная запись, — заметила Вейра.

— Правильная или разрешённая? — спросил Тим.

— Иногда это одно и то же. Иногда нет.

Вторая дверь вела в архив. Здесь воздух был прохладным, пах камнем и мокрыми листьями. Голубоватые лампы освещали длинные ящики с карточками. В глубине кто-то перелистывал страницы, и звук проходил по залу, как тихий дождь.

Вейра подвела учеников к большому столу. На нём лежала раскрытая книга, но вместо текста на страницах проступала карта города. Улицы то густели, то редели; крошечные золотые точки собирались у моста, затем рассыпались по площади.

— Архив показывает вероятные события, связанные с сообществами, — сказала наставница. — Перемены в городе, решения совета, последствия засухи, которую пока ещё никто не заметил. Не судьбу одного человека, а множество действий, переплетённых между собой.

— Можно узнать, случится ли беда? — спросил кто-то из учеников.

— Можно увидеть, какие условия повышают вероятность беды и какие действия её уменьшают. Нельзя выносить из архива одну тревожную страницу и объявлять её неизбежной.

Тим нахмурился.

— Значит, книги могут вызвать панику.

— А могут помочь подготовиться, — ответила Вейра. — Именно поэтому доступ ограничен. Коллективное будущее легко повредить, если сообщить о нём так, будто оно уже состоялось.

Лея записала: «Запрет: не выносить страницы и не объявлять вероятность фактом. Цель: не превращать предупреждение в панику и не подталкивать людей к тому, чего они боятся».

Ей стало не по себе от мысли, что рассказ о возможном пожаре способен помочь огню разгореться. Но, подумав, она поняла: если все начнут бежать к одному мосту, мост может стать опаснее самого пожара.

— А кто решает, какая вероятность достаточно велика, чтобы о ней говорить? — спросила она.

— На этот вопрос у нас есть комиссии, инструкции и, к сожалению, новые вопросы, — ответила Вейра. — Устав не отменяет рассуждений. Он лишь требует, чтобы рассуждали не в одиночку.

Третья дверь открылась с мягким скрипом. В переплётной было жарко. В медных котлах булькал клей, на верстаках лежали нити, кожа и бумага. Пахло мёдом, дымом и острыми травами. Переплётчица в закатанных рукавах прижимала прессом толстую книгу. Её страницы были покрыты короткими фразами: «Проверил замок», «Не перебил», «Отложил трудное до завтра». Одни строки повторялись, другие словно проступали только сейчас.

— Здесь видны последствия привычек, — объяснила Вейра. — Не одного большого решения, а сотен мелких повторений. Что-то укрепляет переплёт. Что-то медленно ослабляет его.

— Книги судят людей за их привычки? — спросил Тим.

Переплётчица подняла глаза.

— Книги ничего не судят. Судить любят читатели.

Она сняла перчатку и провела пальцем по шву. Тонкая нить лопнула. На миг страница приоткрыла белую пустоту, затем переплётчица спокойно взяла новую нить и зашила разрыв.

— Здесь запрещено работать с незавершёнными книгами без мастера, — сказала Вейра. — Не потому, что они опасны. Потому что привычка кажется незначительной, пока не становится структурой. Легко прочесть чужой черновик и решить, будто он уже обречён.

Лея отметила в карте: «Запрет: не трогать незавершённую рукопись. Цель: не принимать процесс за окончательный результат». Она посмотрела на переплётчицу.

— А если человек уже увидел слабый шов?

— Тогда он может начать укреплять его, — ответила та. — Или делать вид, что шва нет. Но книга не починится от одного взгляда.

Тим записал это в свой блокнот. Его буквы были ровными, каждая строка словно стояла по стойке смирно.

Четвёртая дверь вела в тихую комнату. Здесь не было окон, зато потолок мерцал бледными точками, похожими на звёзды, которые забыли своё небо. В центре стояли отдельные кресла. На каждом — лампа с несколькими стеклянными створками. Свет за одной створкой горел золотом, за другой синел, за третьей оставался почти невидимым.

Вейра попросила всех сесть и не касаться ламп.

— Здесь хранятся развилки выбора. Не только поступки, которые человек совершил, но и то, что мог бы сделать иначе. Комнаты не показывают, какой выбор правильный. Они показывают, какие истории могут начаться после каждого.

— Значит, можно увидеть, что было бы, если бы я не приехал в Академию? — спросил ученик у окна.

— Возможно, — сказала Вейра. — Если ваша история уже достаточно близко подошла к этой развилке.

— А потом можно выбрать нужный вариант?

— Нельзя выбрать уже прожитое. Но можно спросить себя, что именно вы оплакиваете: потерянную дорогу или выдуманное совершенство дороги, по которой не пошли.

Лея посмотрела на пустое кресло. Ей представились две версии одного дня: в одной она не заметила тень, в другой — пошла за ней. Но как только она начала строить обе картины, они размножились. А если она позовёт Ориана? А если промолчит? А если дверь есть, но ведёт не туда? Развилки расползались, как тени от свечи.

— Здесь нельзя просматривать больше одной развилки за раз, — сказала Вейра. — И нельзя читать чужую развилку без разрешения. Иначе выбор перестает быть выбором и становится бесконечным экзаменом.

Лея записала: «Запрет: не открывать все варианты сразу. Цель: не застыть перед множеством возможностей». Она подняла голову.

— А если человек не знает, какую именно развилку ищет?

— Тогда начинает с вопроса, на который способен ответить сегодня. Не с вопроса, который должен решить всю его жизнь.

Лея вспомнила утренний страх: ей хотелось немедленно найти книгу о собственной судьбе, потому что тогда, казалось, станет ясно, куда идти. Но теперь она видела, что книга могла бы только добавить развилки. Решение всё равно пришлось бы принимать ей.

У выхода из тихой комнаты Вейра задержалась у застеклённой витрины. За стеклом лежали тонкие книги без названий. На каждой была пустая строка для имени.

— Пятый отдел называют дверью выхода, — сказала наставница. — Он хранит истории, от которых читатель отказался. Не обязательно навсегда. Иногда человек выбирает одну дорогу и оставляет другую. Библиотека сохраняет не только вероятности, но и следы того, что могло бы стать жизнью.

На одной обложке проступил рисунок корабля. На другой — крошечный дом с распахнутыми ставнями. Лея не успела разобрать третью: буквы растворились, едва она наклонилась.

— Запрещено забирать отсюда книги или вписывать в них чужие имена, — продолжила Вейра. — Это не каталог упущенных возможностей. Не каждый отказ требует исправления. Некоторые истории лучше оставить прочитанными только до первой страницы.

— А если кто-то ошибся? — спросила Лея.

— Тогда он может сделать новый выбор. Но не переписать прошлое так, будто его не было.

В дверях Тим обернулся к ней.

— В уставе всё ясно. Если бы каждый первокурсник решал, какое правило ему подходит, от библиотеки скоро остались бы одни любопытные.

— Я не спрашиваю, подходит ли мне правило, — сказала Лея. — Я спрашиваю, кого оно защищает и от чего.

— От нас самих, — ответил Тим.

— Иногда. А иногда — от тех, кто установил правило слишком давно и забыл объяснить его смысл.

Вейра посмотрела на Лею. Не строго, но внимательно.

— У хорошего вопроса есть продолжение, — сказала она. — Что ты собираешься сделать с ответом?

Лея коснулась карандашом карты ограничений.

— Записать. Потом проверить, совпадает ли цель с тем, как запрет сформулирован.

Тим сжал блокнот.

— Это уже похоже на спор.

— Нет, — сказала Лея. — Я не собираюсь ломиться в архив или трогать книги. Я хочу понять, где проходит разрешённая граница исследования.

Вейра помолчала, затем кивнула.

— Это разумнее, чем ломать дверь, чтобы выяснить, почему она заперта.

Когда ученики вышли в коридор, Лея задержалась у стены. Там висел старый план библиотеки в потемневшей раме. Линии на бумаге выплели, но подписи читались. Между дверью тихой комнаты и выходом тянулся узкий коридор. Он изгибался за пределами плана и обрывался у края листа.

Лея вынула современную схему. На ней между четвёртой и пятой дверью не было ничего, кроме стены.

— Здесь нарисован проход, — сказала она Вейре.

Наставница подошла к раме.

— Старый план. Его составили до последней перестройки.

— А проход?

— Я не знаю, был ли он заделан, перенесён или существовал только на чертеже.

Тим приблизился, но смотрел не на старую карту, а на Лею.

— Если прохода нет, нет смысла его искать.

— Согласна. Поэтому я не собираюсь его искать за стеной.

Она открыла последнюю страницу блокнота и записала: «Наблюдение: старый план содержит коридор между четвёртой и пятой дверью. Современный план его не показывает. Причина неизвестна». Затем добавила вопрос: «Можно ли подать официальный запрос на планы перестройки?»

— Можно, — сказала Вейра. — Через канцелярию. Ответ может занять несколько дней.

— Тогда подам.

— Ты ведь хотела найти книгу о своей судьбе, — заметил Тим.

— Всё ещё хочу.

— И теперь согласна ждать?

Лея взглянула на старый план. Ей не нравилась мысль о том, что ответы придётся получать по одному, через формы и подписи. Но незнание не становилось знанием оттого, что на него сердиться.

— Я согласна не путать ожидание с бездействием, — сказала она. — Сегодня я могу подать запрос и записать то, что действительно видела.

У стойки канцелярии она заполнила бланк. Указала номер плана, место на схеме и просьбу о доступе к документам перестройки. Ни слова о тени между стеллажами. Для неё пока существовали две отдельные записи: старый коридор на чертеже и узкая тень в читальном зале. Связывать их было заманчиво, но доказательств не было.

День закончился быстрее, чем ей хотелось. Ученики разошлись, двери закрылись одна за другой. В библиотеке погасли лампы, кроме нескольких зелёных огней над стойкой. Лея возвращалась в общежитие, когда заметила на стене возле дальнего ряда стеллажей тонкую вертикальную линию.

Она остановилась.

Тень была той самой. Только теперь к ней добавилась вторая черта, затем верхняя пере-
кладина. В камне медленно проступал контур двери.

Лея не прикоснулась к стене. Она вынула блокнот и поставила рядом с прежней записью новую отметку: «Факт: контур двери виден снова. Предположение: шестая дверь. Вопрос: почему её не видит план?»

— Ты чего остановилась? — спросил Тим позади неё.

Лея взглянула на него, потом на стену.

— Ты видишь дверь?

Тим посмотрел туда, куда она указывала.

— Вижу стену.

Он произнёс это без насмешки. Просто констатировал.

На месте, куда смотрела Лея, блеснул маленький латунный кружок. За стеной тихо пере-
вернули страницу.

Она закрыла блокнот. Пока этого было достаточно: не ломиться, не объявлять догадку фактом, не делать вид, что ничего не произошло. Завтра она подаст ещё один запрос. А сегодня запомнит: иногда правило защищает дорогу, но не объясняет, куда ведёт стена.

Рукопись, которой ещё не было

Утром Лея подала запрос в регистрационное окно.

— Вы просите осмотреть участок стены, которого нет на плане, — сказала библиотекарь, пробегая глазами по бланку. — Вы уверены, что хотите именно осмотр, а не вскрытие?

— Именно осмотр. Я не касалась стены и не знаю, есть ли за ней помещение.

Библиотекарь подняла взгляд. В её лице мелькнуло одобрение, но она тут же спрятала его за привычной строгостью.

— Хорошо. Если обнаружите новый факт, дополните запрос. Не догадку.

Лея забрала талон и отошла от окна. Тим ждал у входа в читальный зал, прислонившись к колонне.

— Ну что? — спросил он.

— Теперь у меня есть официальное разрешение ничего не ломать.

— Прекрасное начало расследования.

В читальном зале пахло пылью, камнем и мокрой шерстью. Последний запах тянулся от пальто, которое девушка в зелёном шарфе повесила на спинку стула у окна. На третьем столе, рядом с зелёной лампой, стояла чашка с синей каймой.

Лея заметила её потому, что чашка находилась не там, где обычно. Или потому, что после вчерашней двери она стала замечать всё, что хоть немного выбивалось из привычного порядка.

На столе перед Тимом лежал тонкий переплёт без названия. Ни автора, ни даты, ни библиотечного штампа. Его обложка была сухой и гладкой, словно книгу только что принесли из переплётной мастерской. На корешке не было даже следа от нитки.

— Это твоё? — спросила Лея.

— Если бы я принёс сюда книгу без записи в журнале, нас обоих уже вызвали бы к заведующей.

Он не улыбался. Значит, шуткой это не было.

Они оглянулись. Дежурная библиотекарь пересчитывала возвраты у стойки. Никто не смотрел на их стол.

— Видел, как её принесли? — спросила Лея.

— Нет.

— Я тоже.

Она не стала сразу открывать переплёт. Сначала проверила журнальный талон на столе: последняя запись относилась к атласу созвездий, который возвращали накануне. Свежей выдачи не было. Книга не числилась среди оставленных вещей. Это были факты. Кто положил её на стол и зачем, оставалось догадками.

— Я бы начал с того, что открыл её, — сказал Тим.

— Я тоже. Просто хотела понять, что мы уже знаем.

Она подняла обложку.

Внутри не было ни заглавного листа, ни посвящения. Первые три страницы оставались чистыми. На четвёртой проступали буквы, будто чернила просачивались сквозь бумагу из-под неё. Сначала они были бледными, затем темнели.

Лея наклонилась. Строки собрались в абзац:

«В большом читальном зале пахнет дождём и мокрой шерстью. Синяя чашка стоит слева от зелёной лампы. Под блюдцем лежит каталожная карточка с цифрой восемнадцать. До полудня двое первокурсников поспорят о седьмой ступени северной лестницы. Тим скажет: “Не трогайте перила”».

Лея перечитала текст про себя. На последней строке чернила ещё блестели.

— Оно описывает сейчас и потом, — сказал Тим.

— Сначала проверим то, что уже можно проверить.

Она достала блокнот и разделила страницу на три столбца: «Наблюдение», «Толкование», «Прогноз». Книгу они не должны были принимать за правду только потому, что она говорила уверенно. Это правило теперь казалось важнее, чем прежде.

В первый столбец Лея записала: «Запах мокрой шерсти. Девушка в зелёном шарфе повесила пальто на стул. Синяя чашка стоит слева от лампы».

— Запах есть, — подтвердила она. — Пальто видим. Чашка видна.

— А карточка?

Они приподняли блюдце. Под ним оказалась только круглая пыльная отметина на столешнице.

— Никакой карточки, — сказал Тим. — Тем более с восемнадцатую.

Лея внесла в таблицу: «Карточки под блюдцем нет». В соседней графе написала: «Утверждение рукописи о настоящем не подтверждено».

— Может, карточка была здесь раньше, — предположил Тим. — Её убрали до того, как мы пришли.

— Может быть. Но тогда это не наблюдение о том, что происходит сейчас. И у нас нет доказательств, что она когда-либо лежала под чашкой.

Тим пожал плечами, но возражать не стал.

Они перешли к строке о лестнице. До полудня оставалось двадцать три минуты. Лея записала прогноз дословно: «Двое первокурсников поспорят о седьмой ступени. Тим скажет: “Не трогайте перила”».

Пока она писала, он заметил, что её пальцы сжимают карандаш.

— Ты веришь этому?

— Я верю, что здесь написаны слова. Это пока единственное, чему можно верить без оговорок.

Он посмотрел на рукопись. На его лице отразилось то же искушение, которое Лея почувствовала сама: строки были слишком точными в мелочах, чтобы не хотелось довериться им и в остальном.

— Тон у неё такой, будто она уже всё видела, — сказал Тим.

— Уверенный тон не делает предположение фактом.

Тим взял книгу за края, не касаясь чернил.

— Тогда я прочитаю вслух. Проверим, случится ли что-нибудь.

— Не трогай текст.

— Я и не трогаю.

Он прочёл весь абзац. Когда произнёс последнее слово, страница чуть потемнела. Чернила не исчезли — они будто перетекли между строками. Фраза о карточке стёрлась, а на её месте проступила новая:

«До полудня северная лестница останется пустой. Чашка будет справа от зелёной лампы. Лея не внесёт рукопись в каталог».

Лея накрыла страницу ладонью, не касаясь её.

— Ты видел, как поменялось?

— Да.

— Записать?

— Уже записывай.

Она зафиксировала второй вариант отдельно. Не стала зачёркивать первый, не стала решать, какой из них настоящий. Переписала дословно и поставила рядом время: одиннадцать часов сорок минут.

В таблице появились новые строки:

«Наблюдение: после чтения Тима формулировки на странице изменились. Толкование: чтение может быть связано с изменением текста. Прогноз: лестница останется пустой; чашка окажется справа; Лея не внесёт рукопись в каталог».

— Мы доказали, что чтение вызвало перемену? — спросил Тим.

— Нет. Мы доказали, что перемена произошла сразу после чтения. Это не одно и то же.

— А если ты прочитаешь теперь?

— Тогда у нас будет ещё одно наблюдение.

Она прочитала новый абзац про себя, не торопясь. В последнюю секунду буквы на странице сдвинулись. Чашка в строке исчезла. Появился свежий текст:

«До полудня двое первокурсников будут спорить о седьмой ступени. Предупреждение произнесёт не Тим. Лея останется за столом и внесёт в каталог три возможных исхода».

На этот раз Лея не сразу отвела взгляд.

— Книга уже знает, что мы собираемся её каталогизировать, — сказал Тим.

— Или текст подталкивает нас это сделать.

— Ты ведь и так собиралась внести её в каталог.

— Собиралась. Но теперь я должна спросить себя, делаю ли это потому, что решила сама, или потому, что прочла строку.

Она убрала блокнот подальше от книги и посмотрела на чашку. Та всё ещё стояла слева от лампы. Никто её не передвигал. С лестницы доносились шаги, но там пока никто не задерживался.

— Можно уйти, — сказал Тим. — Тогда хотя бы одна часть прогноза не сбудется.

— А если мы уйдём, мы не узнаем, что произошло. И это тоже будет выбором, а не доказательством.

— Значит, остаёмся?

Лея посмотрела на него.

— Остаёмся, потому что хотим проверить событие. Не потому, что книга велела.

Они устроились так, чтобы видеть северную лестницу через широкую арку. Лея не стала смотреть на неё непрерывно. Записала время, запахи, положение чашки. Потом проверила, не появилась ли на блюде карточка. Не появилась.

В одиннадцать пятьдесят две к лестнице подошли двое первокурсников. Девушка в серой форме несла свёрнутый план, парень держал под мышкой стопку тетрадей.

— От нижней площадки это седьмая, — сказал парень.

— Нет, — ответила девушка. — Ты считаешь первую ступень от двери, а надо от поворота.

— Тогда здесь восьмая.

Они остановились на площадке и начали спорить. Девушка развернула план, парень указал на перила.

Лея почувствовала, как Тим рядом с ней напрягся. Он не вмешался.

— Не трогай перила, они шатаются, — сказала девушка.

Её товарищ убрал руку.

Лея быстро посмотрела на Тима. Тот сидел молча.

Спор продолжился ещё несколько секунд, пока парень не заметил след мела на стене. Они сверили план, пересчитали ступени и ушли, не договорившись, кто из них ошибся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.